

ОТБОРНАЯ
БАБУШКА

НИНЕЛЬ НУАР

Нинель Нуар

Отборная бабушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67984551

SelfPub; 2022

Аннотация

Теплая летняя сказка про Золушку-попаданку. История про девушку, которую угнетают сёстры с мачехой, далеко не нова. А если в тело девушки попадёт дама из нашей современности, лет эдак девяноста? А принц окажется... но не будем забегать! В тексте есть: попаданка в тело ребенка, бытовое фэнтези, обустройство героини в новом мире. Без магии, но зато с нечистью! Отбор невест, любовная линия, но с середины книги и не главная.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	60
Глава 7	73
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Нинель Нуар

Отборная бабушка

Пролог

– Доброе утро, Варвара Ильинична. Прогуляться идете? И то верно, погодка загляденье, – скороговоркой протараторила консьержка, выскакивая из будки, чтобы помочь мне спуститься с трёх ступенек на крыльце.

Я бы и сама справилась, но зачем мешать человеку выказывать заботу. Обеспокоенность Ларисы моим благополучием объяснялось просто – в каждый свой заезд внучки по очереди одаривали ее то импортными духами, то дорогими конфетами, то еще чем полезным и приятным. Она, в свою очередь, присматривала за мной.

Все-таки одинокая пожилая женщина. Мало ли что случится. Приступ какой, или голова закружится и упаду. Хоть есть кому помочь, если что.

Весеннее солнце неприятно ударило по чувствительным глазам. Они немедленно заслезились, пришлось прищуриться и пониже натянуть шляпку с полями.

Да, я модная пенсионерка. Из тех, которых провожают на улице улыбками и просят сфотографировать. Сумочка, пальто, шляпка, полусапожки не только удобные, но и кра-

сивые, на небольшом каблучке – на плоской подошве начинает тянуть ахиллесово сухожилие, проверено. Волосы уложены в сложный узел. Ничего, что половина из него шиньон, по цвету не отличить. Легкий макияж маскирует пятна на увядшей коже.

Все-таки даже в старости хочется чувствовать себя женщиной.

Далеко от дома я не ушла.

Раньше я запросто обходила весь огромный парк, разбитый еще в начале прошлого века. Теперь сил хватало только дойти до скамеечек на его окраине. Не хотелось уходить глубоко в посадки – во-первых, там иногда шастали подозрительные личности, а голова у меня одна, и та хрупкая от старости, а во-вторых, если прихватит какой приступ – из парковых далей на помощь не дозовешься.

Я элегантно поддёрнула просторные брюки и присела на лавочку с видом на дорогу. За мчащимися по трассе машинами было видно двухэтажное серо-бежевое здание. Оно, как ни странно, до сих пор вмещало в себя детский сад. Даже игровая площадка, на которой росли сначала дочери, потом старшая внучка, не сильно изменилась. Вместо металлических качелей поставили нечто гамакоподобное, да покрытие проложили – из тех, на которое лучше не падать, хуже, чем об асфальт обдерешься.

Жизнь пролетела незаметно. То ты работающая мать-одиночка, потом бабушка, на которую скинули мешающую де-

лать карьеру внучку, и не одну, и вдруг ты уже зажившаяся пенсионерка, до которой никому нет дела. У внучек давно своя жизнь, правнучки обе за границей – одна учится в Англии, другая замуж выскочила за француза. Тем более, им не до одинокой старушки. Хорошо, хоть деньги присылают, а то на пенсию не разгуляешься. Да и зятя заезжают по очереди. Продукты завозят, что потяжелее, вроде молока и консервов, и проверяют заодно, жива ли еще.

Не освободилась ли квартира.

Что-то меня сегодня потянуло на ностальгию.

Я потёрла ноющий висок. То ли на погоду, то ли мигрень начинается.

Кстати о головной боли, вспомнился муж. Десять лет назад я заехала на его похороны. Постояла неподалёку, выслушала много хвалебных речей от сослуживцев и семьи. Второй семьи. Их старший сын родился почти одновременно с нашей младшей дочерью.

О существовании любовницы я узнала случайно. Муж уехал вроде как в командировку, а на следующий день ему позвонили с работы и попросили выйти сверхурочно. Выяснилось, что никакой командировки нет, и не было ни одной уже полгода. Все его ежемесячные отлучки тут же выстроились в совершенно иную картину.

Классика, скажете вы.

Ну так классики берут сюжеты из жизни.

Замуж я больше не вышла. Растила дочерей, преподавала

в институте, сил к вечеру оставалось только упасть и уснуть. Случились, конечно, пара-тройка быстротечных романов, и не один курортный – женщина я все же здоровая, и довольно долго еще и была молодая, так что физиология своего требовала – но в серьёзные отношения увлечения так и не перешли. И обжечься боялась снова, и не нашла, наверное, того самого, единственного.

Боль в виске усилилась, лавой растекаясь от уха к глазу. Я попыталась поднять руку, чтобы помассировать над бровью, и не смогла.

Вскинула полные ужаса глаза на проходящую мимо парочку.

– Мне плохо! – хотела выкрикнуть я, но получился невнятный хрип. Меня поняли и без слов. Парень подскочил, укладывая меня головой на скамейку, девушка заглянула в мое запрокинутое лицо.

– Женщина, вам плохо? Скорую? – я прикрыла согласно глаза, сил говорить не было. Вся воля уходила на то, чтобы сделать очередной вдох.

Хоть я и была готова к смерти – в восемьдесят девять как-то уже свыкаешься с мыслью о бренности сущего – боль оказалась неприятной неожиданностью. Я-то надеялась уйти тихо и незаметно, во сне. А тут и голову сдавило, как щипцами, и дышать тяжело, на грудь будто уже могильную плиту положили. Внутри головы что-то горячо пульсировало, мешая думать связно.

По небу неспешно плыли облака, то прикрывая солнце, то снова разбегаясь. Перед глазами скакали мушки и точки, даже если я их закрывала. Время практически остановилось, разделившись на вдохи и выдохи.

Скорая приехала на удивление быстро. Может, просто рядом оказались.

Двое молодых людей в белых халатах оттеснили от меня помогавшую мне парочку. Один деловито проверил пульс, заглянул в глаза, проверяя зрачки. Другой стащил рукав пальто, споро натянул манжету измерителя давления.

– Сто тридцать на восемьдесят. Бабуль, да вы космонавт. – Хохотнул первый, глянув на показатели. – Как зовут?

Я попыталась представиться, но язык не слушался.

Фельдшер помрачнел, кивнул коллеге, который быстро сбежал за каталкой. Меня перегрузили с лавочки на раз-два – вес у меня птичий, сложно не справиться.

Противно заскрипели колёса каталки, характерно хлопнули закрывающиеся дверцы скорой. Завыла сирена.

– Женщина около девяноста, подозреваю инсульт. – скороговоркой отчитался медик по рации.

Все это я фиксировала, не особо уже понимая происходящее.

Последней осознанной мыслью, метавшейся в угасающем сознании, была:

– Только не паралич. Хочу уйти быстро...

Глава 1

Страшно чесался нос.

Я подняла непослушную, тяжелую со сна руку и с наслаждением почесалась, тут же мысленно ойкнув. На самом кончике носа, как оказалось, зрел здоровенный подкожный нарыв, и он радостно откликнулся дергающей, ноющей болью на неосторожное прикосновение.

«Не паралич. Уже хорошо» мелькнула мысль и пропала, смытая нахлынувшими воспоминаниями. Скамейка, приступ, скорая... я, наверное, в больнице. Надеюсь, телефон из сумочки не украли, и я смогу позвонить внучкам. Номера я их и так помню, но с аппаратом-то попроще будет.

Приоткрыв глаза, я поискала взглядом сумочку. Осмотрелась еще раз, уже более осознанно.

На палату комната походила мало. Ни тебе белых стен, ни больничной койки. Я возлежала – другого слова не подберёшь – на необъятном ложе, полном одеял и вышивки. Вверх от кровати уходили деревянные резные столбы, и откуда-то оттуда, с высоты, помахивали на сквозняке кисточки балдахина. Я полулежала, полусидела в скоплении шелка и пуховых подушек, укутанная несколькими слоями одежды и пледов по самые уши.

В кресле напротив меня сидела неизвестная девица, вместо униформы медсестры, или хоть белого халата, облачён-

ная в средневековое платье горничной. Как это называла правнучка, косплей. Причём погружение полное, и прическа подходящая, и лицо без макияжа, и даже потертости на платье и переднике натурального вида.

Девушка вышивала, низко склонившись над пальцами.

– Вы кто? – негромко спросила я.

В тишине комнаты это прозвучало, как выкрик. Девушка вздрогнула, подняла на меня округлившиеся от радости глаза.

Я тоже вздрогнула, только по другой причине.

Голос, вырвавшийся из моего горла, принадлежал кому угодно, только не мне. Слишком высокий и писклявый.

Самым страшным мне всегда казалось остаться в здравом уме, но немощем теле. Мама моя лежала семь лет полупарализованная. Агония, которой я не пожелаю злейшему врагу.

Тем более себе, любимой.

Сойти с ума, впасть в маразм куда лучше. Окружающим, может, и тяжело лицезреть тебя, пускающую слюни в пространство, но хотя бы ты сама не осознаёшь проблем. Такой вот здоровый эгоизм.

Это я до сегодняшнего дня так думала.

Пока не начала сходить с ума по-настоящему.

Мой взгляд растерянно бегал по лепному потолку, тяжелым сизым гардинам, вышитому балдахину и деревянным резным столбикам в ногах кровати.

Допустим, после инсульта мой голос изменился. Но почему я в чужом доме? Не в больнице?

– Гроляйн, вы пришли в себя! – всплеснула руками девица и куда-то улепетнула с завидной прытью.

Не успела ее остановить, чтобы допросить. Жаль.

– Это, Штирлиц, не больница. – констатировала я. – Это маразм. Натуральный.

Решив, что свои вопросы решу сама, откинула одеяло и встала. Ноги держали, хоть и с трудом. Пол оказался как-то ближе, чем обычно, но я этот эффект списала на головокружение после приступа. Мало ли, что померещится.

Доковыляла до кресла, в котором сидела сбежавшая девица. Потрогала вышивку. Неплохо, вполне качественная работа. Только сейчас я поняла, почему кресло стояло вплотную к окну.

Другого источника света в комнате не было.

Ни тебе лампочки под потолком, ни торшера, ни бра у кровати. Ничего. Даже розеток в стенах не было видно. Вообще никаких признаков электричества.

Я выглянула на улицу.

Ощущение, что я в деревне. Зелень, деревья, ни тебе смога, ни машин.

И тишина. Слышно, как где-то вдалеке петух орет.

Дикую мысль о похищении я отмела сразу. Как и о розыгрыше.

Кому я нужна, так меня косплеить. Внучки-правнучки

знают, что у меня давление. Кстати, странно. Вроде волну-юсь, а в висках еще не стучит.

С вида за окном я перевела взгляд на собственную руку.

Это еще что за чертовщина?

Кожа на руке светилась белизной и здоровьем. Владелица этой ладони не поднимала ничего тяжелее иголки с ниткой, не обжигалась в духовке и уж точно не жила на свете восемьдесят девять лет.

Это не моя рука.

Я пошевелила пальцами. Конечность слушалась. Короткие, толстоватые пальцы с аккуратно постриженными ногтями послушно перебрали по воображаемой скрипке.

Все-таки моя. Но как?

Внучки обе зачитывались романами про попаданок. Это где героиня оказывается после смерти, или при жизни, смотря как ей повезёт, в другом мире. Чаще всего магическом. И драконы, обязательно. Можно на крайний случай оборотня. Или обоих.

Да, на старости лет я тоже такое почитывала. Смеялась до колик.

Не думала, что сама окажусь в подобной ситуации.

Природа, тем временем, требовала своё. Оглядев комнату, я обнаружила две двери. Одна побольше и помассивнее, с декоративной резьбой, другая поскромнее, стыдливо запрятанная в угол за шкафом.

По стеночке, перебирая руками, я добралась до двери по-

меньше.

Повезло, угадала. За ней оказалась ванная комната. Огромный белый монстр на львиных лапах впечатлил меня невероятно. В такой ванне и поплавать можно. Потом, когда в себя приду. Зеркала над умывальником не оказалось. Жаль. Меня уже разбирало любопытство.

Решив насущные вопросы и наскоро умывшись, я побрела в сторону кровати.

Расстояние начинало уже казаться непреодолимым. Кажется, я свои силы переоценила.

Слева мне померещилось смутное движение. Я с трудом повернула голову. Моя отраженная копия сделала то же самое. У стены, по дороге, так сказать, стоял огромный, под потолок шкаф, украшенный на дверцах зеркалами в полный рост.

Очень кстати.

Я подошла, пошатываясь, и вгляделась в своё отражение. Не смешно.

Первыми в глаза бросились щеки и подбородки. Их было больше всего. Потом россыпи прыщиков всех стадий и калибров. Дряблое пышное тело скрывала безразмерная ночнушка, больше напоминавшая парашют, и я невероятно тому порадовалась. Хватит мне пока впечатлений. То, что я в туалете приняла за слои ткани, оказалось моим собственным пузом. Ну, боками еще.

То есть это теперь я?

Вот это?

Где моя неземная краса, которой я буду повергать в трепет драконов?

Хотя, в трепет я может их и сейчас повергну, но не восторга, а ужаса.

Я передернулась. Телеса заколыхались.

Нет, так я пожалуй больше делать не буду. Неэстетично. Совсем.

Повезло, так повезло.

С громким стуком распахнулась вторая дверь, которая по-массивнее.

– Доченька! – огромный бородатый мужик стоял на пороге комнаты, приветственно распахнув руки. Мне, очевидно, предлагалось в эти объятия упасть.

Упасть я, конечно, запросто могу, только вот до объятий, боюсь, не доберусь. Мой новоявленный отец о моем состоянии догадался, в два шага преодолел разделявшее нас расстояние и стиснул меня медвежьей хваткой.

– Хвала Богам, пришла в себя. Я-то уж, грешным делом, отчаялся. – прогудел родитель густым басом над ухом. Я полузадушенно пискнула.

Мужик подхватил меня под мышки, бережно донёс до кровати и заботливо укрыл одеялом чуть ли не с головой.

– Тебе скакать еще рано. Доктор сказал, если кризис переживешь... – его голос дрогнул. Сразу видно, переживал за дочь.

Я вздохнула. На глаза невольно навернулись слезы. Бедный отец не знал, что его настоящая дочь все-таки эту ночь не пережила. На ее место пришла я, престарелая самозванка.

– Так вот раз кризис миновал, тебе еще неделю с постели не вставать. – справился с эмоциями бородач. – Только если по нужде.

На последней фразе он покраснел. Не принято тут, наверное, такие вопросы открыто обсуждать. Я молча кивнула, не доверяя собственному голосу. Не хотелось себя выдавать, так уж сразу.

По одежде и мебели похоже, что уже не средние века – шёлк, кружева, резьба опять же искусная по дереву. Век семнадцатый-восемнадцатый. Учитывая удобства в доме, довольно современного вида, скорее восемнадцатый.

Гонения на ведьм, по идее, позади, но кто знает, как они тут реагируют на попаданцев. Мало ли, казнят на месте. Лучше осмотрюсь, тихо освоюсь, а там посмотрим.

Постучав, в комнату впорхнула давешняя горничная с подносом. Споро расставила на прикроватном столике пиалу с бульоном, тарелочку с сухим печеньем, чайничек и крохотную чашечку, явно из одного сервиза в розовые цветочки.

Мещанство жуткое, но не будем придирааться.

Есть внезапно захотелось с такой же силой, что и жить. В животе заурчало.

Отец расплылся в довольной улыбке и погладил меня по голове огромной лапищей.

– Кушай, Марьяна, поправляйся. Набирайся сил. Я завтра зайду обязательно, проведу тебя.

Он оставил меня на горничную и ушёл. На лице его явно читалось облегчение.

Я сморгнула непрощенные виноватые слезы.

Горничная под села ко мне на кровать с пиалой и явным намерением кормить меня с ложечки. У меня даже не было сил сопротивляться. Есть хотелось невероятно, а доносить еду до рта трясущимися руками я буду долго.

Когда от печенья остались одни крошки, а от чая чайники на дне чашки, меня потянуло обратно в сон.

Засыпать было страшно. Вдруг я тут, в этом теле временно? Засну – и прощай Варвара Ильинична насовсем. Но бороться с Морфеем долго не смогла.

Следующий раз я пришла в себя поздним утром. В кресле никого не было, хотя вышивка лежала на прежнем месте. В ней прибавилось деталей, горничная зря времени не теряла.

Ноги слушались уже лучше. Я доковыляла до кресла, осмотрела окно. Открывалось оно привычно, поворотом ручки. Никаких замков, защиты от детей и прочих хитростей.

Распахнув створки, я по пояс высунулась в проем, вдыхая чистый, незагазованный воздух. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась зелень, изредка разбавленная скоплением невысоких черепичных крыш. Прямо под окном благоухал розами порядком запущенный сад.

Я прищурилась на восходящее солнце.

Все не так плохо, с другой стороны. Я теперь молода, небедна, судя по прислуге, руки-ноги на месте, голова сообщает. Опыт, опять же, никуда не делся, а он штука вообще бесценная.

Сколько раз средний человек мечтает за свою жизнь начать все сначала? Мне это удалось.

Буду благодарна.

И выжму из этого шанса все.

Глава 2

Какое-то время я чинно-благородно сидела в комнате, ожидая, что меня будут кормить завтраком. Застелила постель, передохнула в кресле, глядя в окно и с наслаждением дыша свежим воздухом. Тихую радость приносило уже то, что ничего не болело. Нет, одышка и слабость и тут никуда не делись, но в отличие от приобретённых с возрастом, тут я очень даже знала, как с ними бороться.

Всего-то начать вести здоровый образ жизни.

Зато ни тебе артрита, что не позволял иногда даже чашку нормально взять, ни язвы желудка – я надеюсь!

Желудок, стоило о нем подумать, отозвался мелодичной руладой, напоминая, что после вчерашнего легкого перекуса в нем ничего не было. Поразмыслив, я решила обеспечить себя завтраком самостоятельно, то есть наведаться на кухню. И вообще, сходить на разведку. Нужно же мне привыкать к новой жизни, и незаметно выведывать, что да как? Знаний о новом мире мне при подселении, увы, не вложили.

Кухня поместья – а в здании явно больше одного этажа и пяти спален – должна, по идее, находиться где-то внизу. Шастать по дому в ночнушке и халате, тем более ближе к полудню, когда не только прислуга, но и хозяйева, скорее всего, давно проснулись, я не решилась. Открыла гардероб, выбрала платье попроще.

Хотя сложных в нем и не было.

Привычно, на плечиках, висело штук десять мешков нежно-пастельных цветов, в основном разных оттенков поросычьего.

Похоже, Марьяна розовый сильно уважала.

Платье оказалось легким, но плотным, из качественного тонкого льна. Отделки особой не было, кант из шелковой ленты по рукаву, подолу и горловине, да мелкие пуговички впереди, на которые, собственно, это платье и застегивалось.

Пуговичек, по ощущениям моих пока еще непослушных пальцев, было не менее десяти тысяч. Но мы с пальцами справились.

Белья под платье я не нашла, хоть и обыскала в комнате все ящики и полки. Вспомнился Дюма, и быт того времени, когда дамы гадили под себя прямо на улице, элегантно приподняв юбки, и для облегчения процесса трусов не носили. Хорошо, хоть здесь туалет имеется, и вообще канализация.

Но трусов все равно нет.

Обидно.

Ну да ладно. С пляжа я еще не в таком виде возвращалась. Подол у платья длинный, само оно непрозрачное, ничего не видно. Да и надела я его прямо на ночную рубашку, на всякий случай.

Я решительно приоткрыла дверь и храбро высунула нос в коридор.

Никого.

Осмелев окончательно, я отправилась на экскурсию, приносиваясь.

Логично же, что кухня должна пахнуть едой.

Когда я добралась до лестницы, откуда-то снизу потянуло густым коричневым духом, с нотками ванили.

Кажется, на завтрак булочки.

Я облизнулась и прибавила шагу. Спуск по лестнице тоже можно считать разминкой. Голодать я не собиралась, детям, даже страдающим ожирением, это вредно. Просто прибавить активности, и следить за тем, что в рот кладёшь и в каких количествах. Помню, с второй внучкой в пубертатный период намучились. Бедняжка в четырнадцать лет весила под сотню, дочь моя поздно спохватилась.

Съездила, называется, кровиночка в Штаты по обмену. Принимающая семья, не особо высокого достатка, питалась в основном фаст-фудом, ну и гостью приобщили. Железный занавес тогда только-только открыли, все было в диковинку, ну и... результат, как говорится, на лице.

Ничего. За полгода все согнали. Гуляли мы с ней много, и мучное-сладкое убрали из меню. Вытянулась, постройнела, растяжки только на боках остались, но такая наша женская доля. Увы. Бёдра без полосочек бывают только в фотошопе.

На кухне мне не сильно удивились. Наверное, не первый раз Марьяна самостоятельно добывает себе пропитание. Интересно все же, куда подевалась горничная? Вчера отец вроде бы строго приказал ей глаз с девочки – то есть с меня –

не спускать.

Круглолицая, темноволосая повариха спешно сервировала мне завтрак прямо там, на кухне. Расчистила угол разделочного стола, и плотно заставила тот тарелками. Тут и воздушные до прозрачности блинчики, и коричные булочки, на запах которых я, собственно, пришла, и сметана, и варенье в плошках, свежий, одурительно пахнущий луговыми цветами мед...

Теперь я поняла, откуда у девочки объёмная фигура. Если так завтракать, и в том же духе обедать и ужинать, то еще не такую красоту наешь.

Я положила себе на тарелку две булочки, один блинчик, и дав себе зарок погулять после завтрака в саду, полила последний мёдом.

Пока что можно не усердствовать с пересмотром меню. Мне выздороветь еще нужно как следует.

Кухарка с умилением проследила, как исчезает выпечка, и вернулась к работе. Завтрак давно миновал, а вот обед уже скоро подавать, но салат еще не нарезан, а пирог все еще в духовке.

– Аглая, Марианна у тебя? – раздался зычный голос из коридора, и в проеме двери показалась давешняя горничная. Заметив меня, она имела совесть чуть смутиться, и присела в книксене.

– Я за вас испугалась, гроляйн. В комнате вас нет, вы только вчера в себя пришли. Мало ли. – поспешила она оправ-

даться.

Я вздохнула, мысленно пометив себе, что кухарку зовут Аглая. Теперь бы еще ненавязчиво выяснить, как зовут мою горничную.

– Ничего страшного со мной не случилось, я вот на завтрак спустилась.

Девушка покраснела и принялась смущённо объяснять, что занималась протираанием пыли в гостиной по указанию госпожи – не меня, а какой-то другой, как я поняла – и не могла проверять мое состояние чаще, чем раз в пару часов.

Горничная моя, как оказалось, выполняла по дому столько других работ, что на меня ей времени почти не оставалось. Я, то есть еще тогда Марианна, болела почти неделю, и поместье успело зарастить грязью, потому что девушка занималась мной, а не уборкой.

Хорошо, хоть вообще позволили за мной ухаживать.

Другие горничные от хозяек не отходили ни на шаг, и ручки уборкой не марали.

Порядок я прямо сразу наводить не стала, но зарубочку себе на память сделала. Неспроста именно приставленную ко мне девушку так гоняют. Надо бы разобраться, за что так Марианну невзлюбила местная госпожа.

– Отведи гроляйн в комнату, Санна. Не приведи боги, снова заболит, у меня из окон тянет. – распорядилась кухарка.

Ну, вот и выяснили, как зовут горничную. Я довольно улыбнулась.

– Не хочу пока что в комнату. Лучше в саду погуляю. – заявила, поднимаясь из-за стола.

– Как же так? Вас еще доктор не осмотрел. – всплеснула руками Санна. Молоденькая, лет двадцати, она очень ответственно относилась ко всему, что делала, начиная с уборки и заканчивая уходом за госпожой. Комплекс отличницы. Знакомая штука, только вот в средневековье, да еще и у прислуги, от нее одни проблемы у девушки будут. Воду на ней возить будут, причём как бы не буквально.

– Я чувствую себя намного лучше. – решительно заявила я. – Далеко не пойдём. Вокруг дома погуляем, и обратно.

Все еще причитая, Санна принесла мне накидку. Спорить с горничной я не стала, хотя на мой вкус для верхней одежды было тепловато. Но я пока что не в том состоянии, чтобы сопротивляться.

Да и оказавшись на свежем воздухе, поняла, что Санна была права. Он был слишком свеж. Или меня познабливало от слабости.

Преодолевая дрожь в коленях, обошла под присмотром служанки вокруг поместья. Именно вокруг здания, по стеночке. Под окнами проходила хорошо утоптанная тропинка, вот по ней и прогулялись. От постройки у меня осталось впечатление светлого кирпича и высоких арочных окон. Больше ничего разглядеть не удалось, я в основном смотрела под ноги, чтобы не споткнуться.

До центрального входа в усадьбу, расположенного ров-

но на противоположной стороне, я еле добрела, и даже не сопротивлялась Санне, которая настойчиво повлекла меня внутрь. Да уж, для первого раза я вполне нагулялась.

– Явилась, наконец-то.

А вот и госпожа, которая не я. Яркая, броская брюнетка недовольно хмурилась, сложив руки на груди и неодобрительно покачивая головой. Мое тело привычно сжалось, ожидая... чего? Выволочки? Надеюсь, руку на детей здесь не поднимают? Мало ли. Телесные наказания только лет сто, как отменили. Мой учитель даже еще использовал указку не по назначению.

– Тебя давно ждёт врач. Поднимайся к себе в комнату. – отчеканила женщина.

Ничего себе, высокие отношения в семье. Это с мамой мне так повезло? Вряд ли, женщина совершенно непохожа на то, что я видела в зеркале. У Марьяны светлые, довольно густые и длинные волосы, и серо-голубые глаза. Отец ее тоже светло-русый, я помню его бородищу.

Должно же мне было хоть что-то достаться от жгучей брюнетки, будь она мне родной? Значит, мачеха.

– Мама, Ари мне медведя не отдаёт! – выбежала в прихожую из гостиной девочка лет пяти-шести. Черноволосая, темноглазая, явно в мать пошла. Следом за ней еще одна, помладше, приволокла за лапу плюшевый повод для ссоры. Вторая унаследовала русые волосы нашего, похоже все же общего, отца, и темные глаза матери.

Убийственное сочетание – кареглазая блондинка. Красотка вырастет. Только вот наглая не в меру, и капризная.

Обе они.

Старшая нудила, дергая мать за юбку, хотя в ее солидном возрасте не нудят, а в школу уже идут. А младшая просто открыла рот и начала орать на одной ноте, будто ей год, а не четыре.

Женщина вздохнула, привычно подхватила младшую под мышку, старшую крепко взяла за руку, и потащила обеих обратно в гостиную, не дожидаясь моей реакции. Вопли постепенно стихли где-то в глубине дома.

Я похлопала глазами на этот бардак, и сделав очередную мысленную зарубочку – на этот раз о необходимости воспитания подрастающего поколения – медленно, из последних сил побрела наверх. Перенапряглась я для первого раза после болезни, такое чувство, будто не прогулялась полкруга возле дома, а марафон пробежала, с полной выкладкой в виде кирпичей.

В таком виде меня и узрел доктор. Красной, запыхавшейся, и практически висящей на бедняжке Санне. К его чести, замечаний о недопустимости нагрузок и перегрузок он делать не стал. Бегло осмотрел доступные части меня – заглянул в горло, проверил зрачки, поинтересовался, нет ли температуры. По его вопросам я поняла, что Марьяна болела воспалением легких.

Странно, но ни кашля, ни тяжести в груди я не чувствовала.

ла, а ведь симптомы знала не понаслышке. Решила списать это чудо выздоровления на ту же силу, что перенесла меня в это тело. Логично, в принципе. Если бы я снова умерла, от того же самого воспаления – смысл меня гонять туда-сюда, как бы цинично это не звучало.

Доктору я этого, естественно, объяснять не стала. Покашляла для виду, пожаловалась на слабость и озноб. Почти не соврала. Послушно согласилась сразу после его ухода лечь в постель и постараться ограничить передвижения хотя бы еще пару дней.

Не знаю уж, как мне это удастся, учитывая, что ухаживать за мной некому, бедной Санне еще весь дом убирать. Отец вряд ли будет мне рубашки менять, а на мачеху я вообще не рассчитывала.

Глава 3

Жизнь в поместье потекла своим чередом. Я постепенно приводила новое тело в порядок, и проводила разведку боем – то есть выясняла, куда меня занесло, и чем мне это грозит.

Прыщи победить оказалось проще всего. Даже не потребовалось радикально менять питание – всего-то перестала налегать на конфеты и сладкое, при этом восхитительные булочки Аглаи я продолжала поглощать каждое утро. Штучки по две-три, не больше.

Это ж в каких количествах их потребляла Марьяна, что ее так обнесло и разнесло?

В качестве упражнений я выбрала прополку. Сад под моими окнами когда-то был потрясающе красив, но уже несколько лет им явно никто не занимался. Розы частично одичали, частично погибли, дорожки заполонили сорняки, в общем, поле буквально непаханое для деятельности. Я, правда, в прошлой жизни в растениях не разбиралась вообще, у меня и в доме-то жил один кактус, и тот порывался все время погибнуть смертью храбрых от засухи. Но удивлять местных йогой на свежем воздухе я пока не решилась, гулять вокруг дома, по стеночке, мне быстро надоело, а за территорию поместья отец меня, ослабевшую после болезни, пока что не выпускал.

Не бегать же туда-сюда по лестнице, в самом деле.

Хватит того, что этим сёстры грешат.

На мою удачу, тетка Санны жила рядом, в деревне, очень кстати увлекалась садоводством. На Даниту односельчане посматривали странно – у всех огороды, а у этой половина участка цветочки и кустики декоративные. Но молчали.

Наверное, потому, что она своими цветочками на городском рынке неплохо зарабатывала.

Данита приходила на час-два в день, объясняла мне, кто есть кто, и которые из них вообще сорняки.

Через месяц интенсивных работ в саду выяснилось, что статью я все-таки пошла не в отца, хвала местным богам, а в не виденную мною нынешней, почившую восемь лет назад маменьку. Та, судя по портретам, женщиной была высокой и стройной, со всеми полагающимися округлостями. Как говорится, породистая.

Ну, округляться мне в этом теле было еще рано – десяти лет еще не исполнилось – а вот прямую осанку и аристократическую тонкость кости под салом обнаружить было приятно. Хорошо, еще обошлось без перманентного ущерба суставам и костям от лишнего веса. Похоже, тело мое недавно в таком запущенном состоянии, от стресса, наверное.

А поводы для стресса у девочки были, еще какие.

Сразу три.

Две сводные сестры Арианна и Лизелла, и их мать Жаклин.

Именно в таком порядке. Проблема крылась в мачехе и

ее тлетворном влиянии на дочек, но общаться-то несчастной Марьяне приходилось в основном с детьми. А те, с попустительства Жаклин, а то и с прямого науськивания, врвались в ее комнату когда им вздумается, портили и рвали платья, роняли, разбивали, и разбрасывали что не разбивается – в общем, отрывались, как могли. А когда я подошла к отцу с этой проблемой, он проблеял нечто невразумительное о том, что я старше, должна уступать и делиться, и вообще, они еще маленькие.

По мне, шесть лет не так уж и мало. Примеры перед глазами были, две дочери, три внучки, шесть правнучек. Праправнучка даже одна имелась, но до ее шести лет я, увы, не дожила. Ей этим летом три исполнилось.

И вели себя все они ни в пример приличнее этих двух.

А Лизелла и Арианна все нагтели, видя собственную безнаказанность.

Для начала я потребовала врезать в мою дверь замок.

Мачеха, естественно, возмутилась. Нечего, мол, девице скрывать в своей комнате, зачем запирается от родни. На что я заявила, что имею право на уединение и спокойный сон.

Отец молча махнул рукой, и на следующее утро замок был установлен.

Так я поняла сразу две вещи.

Во-первых, свои проблемы надо озвучивать и обосновывать, отец все еще в трезвом разуме и прислушивается к родной дочери.

А во-вторых, своё положение надо закреплять. Пример Золушки, учитывая мое нынешнее семейное состояние, прямо-таки напрашивался. И следовать ему не хотелось категорически.

Проблему личного пространства я решила быстро. Но жить в доме, где бегают два неуправляемых стихийных бедствия, все равно было опасно. Не говоря уже об их мамаше. Что та удумает и до чего способна дойти по отношению к старшей дочери мужа, мне даже думать не хотелось.

Вопрос воспитания девчонок ждал своего решения, но я не торопилась. Не буду же я демонстративно перечить их матери. Непедагогично. Нужно ждать подходящего случая.

И он вскоре представился.

Свою неграмотность я обнаружила случайно. Наведалась в кабинет отца, служивший одновременно и библиотекой, хотела найти пособие по садоводству. Моих скудных сведений из прошлой жизни не хватало для ухода за местными розами. Бедняги чахли на глазах, и я хотела понять, что же делаю не так. Данита тут мне не помощница – розы разводил простой крестьянке не по карману, и в них она не разбиралась.

Закорючки и загогулины на корешках книг никак не хотели складываться в нечто читаемое.

Вспомнились пассажи из перечитанного в моем мире – там попаданки знали местный язык по умолчанию, а вот письменный им в голову вкладывали редко.

Мне вот, похоже, не повезло.

– А ты что тут делаешь? – раздался тонкий голосок за моей спиной.

Младшая сестрица, Арианна, еще не успела проникнуться ядом своей семейки полностью, и вела себя просто как наглаватый ребёнок. То есть не гадила из вредности, а мило любопытничала и хулиганила. Я к ней питала некую слабость, и лягушек обеим девицам не подложила в постель именно из-за снисходительности к невинному пока еще дитю.

Пока что не подложила.

– Вот, думаю книжку почитать. – я повертела в руках томик с нарисованными цветами, втайне надеясь, что это все же пособие по садоводству, а не откровенный любовный роман.

– Ты ж не умеешь. – наивно похлопала глазами Арианна. По ее простодушной мордашке было видно – не врет. Марьяна в десять лет оставалась неграмотной, и дело вовсе не в переселенке в ее теле. Я вздохнула.

– А ты? – не удержалась от вопроса. Просить учить меня читать четырехлетнюю пигалицу казалось странноватым, но на безрыбье...

– И я не умею. А ты что, хочешь научиться читать? – не скрывая презрения, спросило малолетнее создание. – Настоящей леди это ни к чему.

Надежды разбились, едва воспарив. Значит, в этом мире царят классические средние века, женщина как домашняя

скотина и прочее.

Приехали.

– А как ты будешь хозяйство вести, если читать не умеешь? – я прощупывала почву. Дети – лучший источник информации. Они не обратят внимания на странные вопросы о вещах, известных любому в этом мире.

– А управляющий на что? Он пусть и заведует всем.

– А как ты узнаешь, что управляющий тебя не обманывает? – продолжила я вопрос.

– Если денег хозяйство приносит мало, значит обманывает. Поменяю управляющего, делов-то. – выдала сестрица и ускакала дальше по коридору.

Я присела в отцовское кресло и покачала головой.

Зерно истины в этом наивном подходе к жизни все же имелось.

Денег наше имение приносило мало. Видно это было и по обеденному меню, в котором довольно редко присутствовало мясо, и по женскому гардеробу. Не моему, а мачехиному. На себе бы она вряд ли сэкономила, но видя, как она спускается к ужину в том же платье, что и позавчера, и три дня назад, и две недели, я понимала, что дела у нас идут не очень хорошо.

Оставалось выяснить, кто же в поместье ворует.

Тем же вечером я подстерегла отца у кабинета после ужина. Он часто засиживался допоздна над бумагами, проверяя доклады управляющего.

– Я хочу научиться читать. – сразу взяла быка за рога. – В саду много разных растений, за всеми нужен разный уход. Жаль будет, если все погибнет. Думаю выписать книги по садоводству из столицы, но для этого надо уметь читать и писать.

Правда и обоснования.

Сработало и в этот раз.

Отец потрепал меня по голове, взъерошив выбившиеся из косы волоски.

– Сегодня уже поздно, дочка. Иди спать, завтра найдём тебе учителя.

В учителя ко мне приставили, недолго думая, нашего управляющего. Старик не пылал восторгом от новой роли – до тех пор, пока я не помогла ему с отчетом за квартал.

Цифры, на мое счастье, в этом мире выглядели точно так же, как в нашем. И математика работала по тем же законам. Так что мое умение складывать и вычитать в столбик произвело настоящий фурор.

За неделю я освоила местную азбуку – хорошо, хоть обошлось без иероглифического письма и английского произношения. Все просто, как пишется, так и читается. Ну и что, что А больше похоже на Ш. На память девичью я не жаловалась.

В разговорах со стариком я иногда, исподволь, касалась разных важных для меня тем. Работы, например, прав женщин и детей, ранних браков и прочих потенциальных опас-

ностей.

Все оказалось не так уж плохо.

Работать и учиться женщинам никто не запрещал. Аристократкам-то, конечно же, считалось недостойно торговать, но в отдаленных поместьях вроде нашего не потепаешь – не полопаешь. Если, не приведи боги, что-то случилось с мужчиной в семье, женщина вполне могла продолжать вести хозяйство самостоятельно, и замуж ее никто силком за каменную мужскую стену... то есть спину не отправлял.

Можно было получить образование – это как раз среди аристократии, особенно столичной, очень даже приветствовалось.

Ну, примерно как у нас корочки института. Толку от них чуть, на первой же работе приходится всему учиться заново, зато диплоооом.

Многие молодые дворянки даже специально стремились в учебные заведения – разумеется, чтобы найти мужа. А как же. Но при этом получить все-таки какие-то полезные навыки, а то и профессию. Мужа-то находили не все.

В общем, жить можно.

Глава 4

Теплым летним вечером мы сидели со старичком управляющим, разбирали по слогам книгу из отцовского кабинета. Та, что с цветочками, оказалась справочником по съедобным, дикорастущим растениям и ягодам. Ее я пока отложила, так сказать, в избранное. Полезно почитать будет на досуге.

Для обучения он выбрал молитвенник. Если бы спросили меня, я бы с такого не начала – стихи там были довольно корявые, да и язык сложноват для десятилетки. На словах вроде «прелюбодеяние» и «содомия» старик презабавно краснел, и предлагал уточнить потом у мачехи или отца.

Ну, приходилось по смыслу догадываться.

Я мучила одну и ту же страницу уже полчаса. Слова, как назло, попадались сплошь трёх-четырёхслоговые, и дело продвигалось с черепашьей скоростью. Старик позевывал, не забывая периодически поправлять и подсказывать. Учителем, к его чести, он оказался терпеливым, хоть и порядком занудным.

Наконец, не прошло и недели, управляющего осенило:

– Вы если сами на досуге почитать что хотите, для закрепления материала, так наверху, на чердаке, гер Кауфхоф сложил те книги, что от маменьки вашей остались. Там, кстати, и про розы вроде было что-то, я слышал, вы цветами увле-

каетесь?

Не сразу до меня дошло, что гер Кауфхоф – это, собственно, мой отец.

Да, молодец я. Как горничную зовут – выяснила, а как отца родного – и не подумала.

Разрешение от отца посетить чердак и разобрать хранящиеся там вещи я получила без проблем. Кажется, он по этому поводу даже вздохнул с облегчением.

Попав туда, я поняла, почему.

Он был полон вещей, ранее принадлежавших матери Марианны.

Выкинуть их у любящего мужа не поднялась рука, а хранить в доме – не позволила мачеха. Так что гер Кауфхоф обрадовался возможности спихнуть на кого-то решение по сортировке вещей почившей жены.

В воздухе загадочно танцевала пыль, сквозь крохотные, но многочисленные мансардные окна пробивался яркий солнечный свет.

Первым делом я заметила книги. Три стеллажа. Подойдя поближе, не торопясь просмотрела корешки. Тут и садоводство, и романы, и полки три детских книг с яркими картинками и крупным текстом. На глаза навернулись непрошеные слезы. Женщина явно собиралась заняться моим образованием. Жаль, не дождала.

Заказывать из столицы ничего не понадобилось.

А вот выбрасывать и перетаскивать – очень многое.

Два шкафа оказались буквально забыты мамиными платьями. Их я приказала отнести к себе в комнату, и один из шкафов заодно, иначе их некуда было бы девать. Потом перешью, переделаю. Не все же мне в розовых мешках ходить.

План, чем завлечь детей, сложился моментально.

Отец мою идею – обучить детей грамоте и счету – очень даже одобрил.

Мачеха пыталась завести до боли знакомую песню про то, что даме чтение и цифры знать ни к чему, на то есть управляющий, сама она ни того, ни другого не умеет, и вон как в жизни устроилась.

Кто б сомневался, что она отца не умом брала.

Я привела железобетонный довод:

– Дети будут при деле, и перестанут носиться по дому, как ненормальные. Хоть несколько часов в день.

Отец тут же стукнул кулаком по столу, и вопрос решился в мою пользу.

Для моей затеи пришлось собрать всех имеющихся в доме горничных, и еще позвать пару крепких мужиков из деревни. Чердак освободили от мусора, который я до того тщательно отсортировала – что выбросить, что сохранить. Те вещи, что я определила на хранение, аккуратно сложили в сундуки и шкафы в дальнем углу. Туда же пошла приличная мебель, хранившаяся, я так поняла, про запас. Два массивных письменных стола установили рядом друг с другом, под окнами. Как раз пригодятся. Остальной хлам вроде надколотой по-

суды и разваливающихся деталей интерьера, старых, погрызенных молью штор, запасного колеса неизвестно от чего – и не лень же было его на чердак тащить – пошло на помойку.

Оттуда вещи быстро растащили деревенские. Кому надколотая посуда, а кому фарфоровая чашка, как у господ.

Особых изменений в планировке чердака я не планировала. В основном, обошлись генеральной уборкой. Вызвали только плотника из деревни. Он поцокал языком на мои объяснения и чертёж, но сделал на совесть.

Песочница получилась знатная. Рядом я горкой сложила глиняные мисочки, стаканчики и прочие подходящие для сооружения куличиков емкости. Попрочнее, чтоб не сразу разбились.

Пластик, увы, нам только снится.

Пока что и глина с металлом сойдёт.

Для игрового песка пришлось на пару часов оккупировать кухню.

Крестьяне из ближайшей деревни, поминая меня тихим незлым словом, набрали несколько ведер песка с берега реки, и почистили от сора и ракушек.

Дальше все просто. Смешала в тазике муку, песок и воду. Над пропорциями пришлось помудрить – точное соотношение я не помнила. Давно дело было, лет пятнадцать назад, еще с третьей правнучкой. Тогда Ютьюб и Гугл только появились, а вместе с ними инструкции по самодельным играм. Я давно пребывала на пенсии, и правнучек мне подсовыва-

ли на передержку регулярно. Чего мы только вместе не перепробовали! В частности, лепку. Фигурки, бижутерия, ну и кулички, куда ж без них.

Я даже состав домашнего фарфора воспроизведу без проблем, а уж какой-то банальный песок и подавно.

Пока обустривала песочницу, обратила внимание на массивные балки под скатом крыши. Туда просто просилось что-нибудь висячее. Попросила уже привыкшего к моим чудачествам плотника распилить пополам бочку. Из тех, что побольше, в рост человека, для засолки продуктов на зиму и виноделия.

Санна под моим руководством обшила бочку изнутри толстым шерстяным полотном. Еще не хватало занозу в юную попу посадить. Не тот здесь уровень врачевания, рисковать заражением крови не хочется.

Показала, как обвязать полубочки веревкой и подвесить к балке, чтобы не вываливался садящийся. Меня совершенно не удивило, что к осени подобные гамачки, чуть менее благоустроенные и с занозами, появились в соседних деревнях. Качели в этом мире еще не изобрели...

Набросала внутрь подушек для уюта, оглядела преобразившийся чердак. Да, я бы от такого в детстве не отказалась. Хмыкнула от собственных мыслей. А у меня сейчас что? Самое натуральное второе детство.

Будем получать удовольствие.

Оставалось разложить приманку... то есть книги с ярки-

ми картинками, и ловить на живца.

Дети не подвели.

В доме, с их точки зрения, творился полный беспредел. Сначала чердак открыли, чего не делали на их памяти никогда, потом – о ужас! – их туда не пустили.

И делали там целых три недели что-то! Явно очень интересное.

А теперь еще старшая сестрица, за которой, хоть и подсолнательно, хочется все повторять – я же ближе всех им по возрасту, это в генетике заложено, ровесников копировать – чердак тот оккупировала и всем строго-настрого запретила туда ходить.

Это же практически приглашение!

После обеда я гостеприимно распахнула двери чердака, и затаилась в засаде.

Жертвы воспитания не замедлили явиться.

Я, демонстративно не обращая внимания на появившиеся в проеме двери носики, оттолкнулась ногой, придавая инерции качелям. Книга, лежавшая на коленях, меня и правда увлекла, тут я почти не притворялась. Все же детские сказки – лучший способ выучить незнакомую письменность. Да и вообще, любой новый язык. Слова простые, буквы большие и четкие, никаких тебе каллиграфических завитушек. Да и про быт и мировоззрение сочинителей многое узнать можно.

Носики осмелели, и просочились в двери сначала мордашками, а потом и всем телом. Осмотрелись, открыв рот,

и забыв скрыть восторг. Да, чердак, или игровой зал, как я его теперь называла, получился впечатляющим. Посередине стояла огромная, два на два метра, песочница. Высокие, объемные, квадратные бортики заменяли скамеечки. Справа от входа стояли столы для занятий и рисования. Красок я в этом мире еще не видела, но это не значит, что их нет. Зато простые карандаши были, и перьевые ручки тоже, ими тоже можно не только писать. Для начала.

С потолка свисали две полубочки, которые теперь бы вряд ли кто опознал. Заваленные подушками и обшитые серой шерстяной тканью, они манили устроиться в тишине и уюте.

Ну, тишина – это я погорячилась.

Не с моими сестричками.

Песчаный замок я с любовью и тщанием строила часа два.

На то, чтобы его развалить ногами, у девиц ушло меньше пяти секунд. Довольно усмехаясь, они уставились на меня, ожидая, очевидно, топанья ногами и истерики.

Я безразлично перелистнула страницу и уронила в пространство:

– Ну да, ломать не строить. Спорим, сами такое сделать не сможете. Просто вы мелкие завидушки, а сами ничего не умеете.

– А вот и нет! – вскинулась Арианна. – Мы еще лучше построим! Правда, Лиз?

– Еще бы! – не особо уверенно поддержала ее Лизелла. Но не пасовать же перед сводной старшей сестрой!

Чтобы разобраться, как лепить из песка, у них ушло где-то минут десять. Через полчаса они догадались использовать сложенные рядом формочки.

Как у меня, естественно, с первого раза не получилось, но девчонки явно гордились произведением собственных рук. И тут же принялись рядом строить что-то еще. То ли город, то ли лес, то ли зоопарк.

Воцарилась тишина, изредка прерываемая возгласами и короткими перебранками. На длинные у них сил не хватало – да и явно не хотелось отвлекаться. Я спохватилась, только когда желудок призывно заурчал то ли у меня, то ли у одной из сестричек. За окном уже садилось солнце.

Ничего себе поиграли.

– Игровой зал закрывается. Все на выход. – громко объявила я. Дети подняли чуть ословевшие взгляды. Кажется, они еще никогда настолько не увлекались игрой.

Да, подозреваю, и игр-то они особо не видели. Что могла им предложить мачеха в качестве развлечения? Вышивание? Вряд ли оно у них получалось так хорошо, чтобы увлечь. Дети живут сим моментом. Если сразу что-то не вышло, или не понравилось – заставить повторить будет очень сложно. А чем больше заставляешь, тем сильнее будет сопротивление.

Деревенские, может, и научили бы их хороводы водить и по деревьям лазить, так не барское же это дело, с племсом играть.

Вот и носились по коридорам, как угорелые, от безделья

маясь. Этикету их, конечно, учили, но чисто в теории. Как заставишь подвижную шестилетку сидеть смиренно часами? Если без розог, то никак. Танцы, вроде бы, еще были в программе. Часа два в неделю. С их энергией – смешно.

– Почему закрывается? Мы еще хотим. – капризно выпятила нижнюю губу старшая. Арианна сморщила нос, готовясь привычно завести вой.

– Ужинать пора, и спать. Ночь за окном. – пояснила я, указывая рукой на багряные от заката окна. – Завтра игровая опять откроется.

– И ты наспустишь? Мы же тебе замок сломали. – с подозрением поинтересовалась Лизелла. Ее сестра перестала готовиться к концерту, затаив дыхание в ожидании моего ответа.

– Конечно пушу. – пожалала я плечами. – Только при одном условии.

– Каком? – насупились дети. Я аж умилилась. Достойная смена растёт, на абы что сразу не соглашаются.

– Будете здесь не только играть, но и учить вместе со мной буквы. А то мне одной скучно. – я тоже выпятила губу. Не одни вы так умеете.

Девчонки поначалу сопротивлялись новым знаниям. Песочница их, понятное дело, пленила, а из гамаков они вообще вылезали только на ночь. Дай им волю, там бы и спали. Но вот читать им не хотелось. Это же работать надо, стараться. Учиться, упаси боги.

Пришлось вспоминать на ходу развивающие игры дошкольников.

Как ни странно, самый оглушительный успех имели банальные прописи. Я на них особо надежды не возлагала, разлиновала про запас.

Оказалось, перспектива марасть бумагу, как взрослые, замотивировала лучше любых уговоров и подкупов сладостями. Арианна и Лизелла, высунув язык, часами пыхтели, выводя по разлиновке палочки и закорючки. А за предложение сделать собственную книжку с картинками меня вообще возвели чуть ли не в ранг божества.

Дом вздохнул с облегчением.

Дети теперь с чердака спускались только поесть и поспать, и то после длительных уговоров.

Глава 5

Несмотря на приятное погружение в забытое детство, меня по-прежнему волновал один насущный вопрос.

Куда же утекали деньги?

Пока помогала управляющему с подсчётами, пробежала взглядом по нашим активам. Три деревни, в них занимаются в основном земледелием, хотя есть несколько семей, что разводят овец на пряжу и продают шерсть и шерстяные изделия. С урожаем вроде все в порядке, засух-наводнений в последние пару лет не было, на рынок поставляем излишки продуктов регулярно.

В чем же дело?

Когда я подошла с этим вопросом к отцу, от только вздохнул и потрепал меня по голове.

Управляющий оказался более многословен.

– Так налоги же. – развёл он руками.

Покопавшись в наших книгах доходов, которые скорее надо было называть книгами убытков, я выяснила, что за нашим поместьем числится не только три деревни, но и лес. Причём за деревни мы платим королю копейки, зато богатый древесиной, ягодами и дичью Чёрный Лес вытягивает из нашего бюджета ежемесячно два золотых.

Для примера, средняя крестьянская семья из пяти человек в год тратила меньше золотого. Не бедствуя, наедаясь от

души и покушая на рынке безделушки детям.

Я призадумалась. Лесопилки в этих краях я не припомню, варенье из лесных ягод не видела ни разу на столе. Из садовой клубники кухарка варит, да. Из черешни, что за Тумой, ближайшей к нам деревней, росла целыми кущами, тоже. А вот ежевики и малины я все это время не пробовала.

Дичь? Для этого нужны охотники. Я вообще не замечала, чтобы местные жители заходили в Чёрный лес. Даже отец в ту сторону не ездил. А уж кому и заниматься охотой, как не помещику.

В задумчивости я забрела на кухню.

Память тела. Марьяна, когда расстраивалась или сосредоточивалась, норовила что-нибудь съесть.

Очень кстати у плиты сновали кухарка Аглая и Санна. Моя горничная иногда помогала и на кухне тоже.

Кстати, я недавно намекнула о сложившейся несправедливой ситуации отцу, на что мне заявили, что я еще маленькая, и мне прислуживать много не надо, а вот взрослая женщина – читай, мачеха – без помощницы никуда. А за детьми вообще глаз да глаз нужен, там не одна горничная, а табун нянек не справится.

С последним я была, в принципе согласна. С первым не очень, но пока что отступилась.

Завидев меня, женщины на минуту отвлеклись от готовки, привычно выставили для меня свежие ватрушки горкой, и стакан ледяного, из погреба, молока, и вернулись к заки-

пающему супу и бродящим в густом соусе тефтелям.

Я присела с краю разделочного стола, укусила ватрушку за румяный бок и поинтересовалась:

– Аглая, а почему люди в Чёрный лес не ходят?

Если бы ела не я, а она, бедная женщина бы подавилась.

А так обошлось, всего лишь закашлялась.

– Что же вам, гроляйн, спокойно не естся. – Похоже, она хотела крепко выругаться, но ограничилась эмоциями. – Поминаете ужасы всякие на ночь глядя.

Я глянула в окно, за которым весело светило солнышко в самом зените, и продолжила сбор информации.

– Почему ужасы? По бумагам он вроде бы наша территория, а мы туда нос не суём. Там что, волки толпами бродят или маньяки?

Аглая переглянулась с помощницей, и они дружно осенили себя кругом в районе лба – местное обращение к богам о защите.

– Нечисть там, гроляйн. И не заговаривайте больше о Че... том месте, а то накличете на нашу голову. – прошипела кухарка едва слышно.

Я поняла, что больше информации тут не почерпну. Да и вряд ли кто-то из деревень скажет больше. Люди они темные, суеверные.

Магии в этом мире нет. Первое, что я осторожно выяснила, придя в себя и начав общаться с местными – ни магов, ни ведьм, ни волшебников с палочками в этом мире нет, не

было, и даже не слыхивали люди про такие непотребства.

Так что все эти рассказы про нечисть – не более чем способ объяснить для себя какие-нибудь природные явления. Ну темный лес, ну пошумел какой ёжик листиками, ну утонуло в Чёрной реке пара рыбаков – с кем не бывает.

Мне в голову пришла, как мне тогда показалось, гениальная мысль. Доказать, что все вокруг идиоты, одна я умная.

Я стянула под шумок пару лепёшек с колбасой, завернула в бумагу и положила в дорожную котомку. Воды в отцовскую флягу налила – мало ли, заблужусь. Надо ко всему быть готовой.

И двинулась в сторону леса.

Вспоминая тот момент, понимаю, что решения принимала тогда не я, а избыловавшие во мне подростковые гормоны, которые хотели приключений и движения. Я сама, Варвара Ильинична Парфенова из старой жизни, ни за что бы не потащилась в неизвестный лес с одной котомкой, не сказав никому, куда иду. Тем более, предварительно услышав неоднократно от местных жителей, что оно небезопасно.

В то время же мне и в голову не пришло, что вообще-то в лесах кроме мифической нечисти, водятся всякие звери, которые не прочь пообедать наивной девицей. Я думала только о том, как хочу доказать отцу и диким селянам, что никакой нечисти не существует, и все это сплошное суеверие.

Магии в этом мире вроде бы не было, зато нечисть водилась в изобилии.

Это я поняла с опозданием. Ближе к ночи.

Я сидела на пеньке, приходя в себя. Приметный такой пеньёк, диаметром с обеденный стол, с одного боку густо поросший поганками. Он раскорячился прямо на опушке, у кромки леса, и я его прекрасно запомнила.

Вот только снова на опушку выйти никак не могла.

Меня явно водили кругами, и подозреваемых, кроме мифического лешего, не находилось.

Что я помнила из фольклора? Любит путать и заводить в дебри, бывает злобный – но тогда меня давно бы уже медведь съел – бывает просто шаловливый. Развлекается так. Ругаться с ним смысла нет. Тогда я точно в лесу насовсем останусь.

Как можно подружиться с нечистью?

Да так же, как и с любым другим существом.

Прикормить.

Я сняла с плеча котомку. По правде сказать, я напрочь успела забыть о припасенных бутербродах. Воду выпила, поскольку фляга висела на поясе, под рукой. А лепешки с колбасой так и мялись в дорожном мешке. Вытащив ошмётки, когда-то бывшие хлебобулочным изделием, я засомневалась в собственной затее. На месте лешего я бы этим крошечком побрезговала.

Но, рассудив, что в лесу хлеб в принципе редкость, решила попробовать. Распределила куски лепешки покрасивее на пеньке, как смогла придав им исходную форму, отошла в сторонку и громко и четко произнесла:

– Уважаемый леший! Примите угощение, не побрезгуйте. Взамен прошу выпустить меня из леса, домой очень хочется. Устала, и ноги болят. Заранее спасибо!

Чувствовала я себя при этом полной идиоткой. Но, как говорится, захочешь жить, еще не так станцуешь.

Надеясь, что меня услышали, я развернулась и из последних сил заковыляла в сторону, где как мне казалось, располагались поместье и деревни.

Темнело. На мое счастье, взошла луна, так что спотыкалась я не часто. Через раз.

Через, примерно, час блужданий я снова вышла к пеньку.

Хлеба не было. Шершавая поверхность слома влажно блестя в свете луны, будто ее кто-то вылизал.

Кусты неподалеку неуверенно зашуршали.

Так, кажется, контакт налаживается.

Я присела на пенёк – ноги после многочасового скитания по лесу не держали.

– Выходи уж, пообщаемся. – предложила я кустам.

Ветки затряслись, и из-под них осторожно вылезло... нечто.

– А не обидишь? – уточнило оно.

– Не обижу. – Вздыхнула я. Существо было довольно большое и очень лохматое. Тут бы кто меня не обидел.

– Хозяйка, а Хозяйка. А чем так от хлебushка вкусно пахло?

– Колбасой. – отстранённо ответила я на автопилоте, изу-

чая ночного гостя. Хотя, какого гостя – хозяина леса.

Леший оказался мельче, чем мне с перепугу показалось в начале, размером с некрупную овцу, и такой же мохнатый. Глаза в темноте светились, как у кошек, ярко-бирюзовой радужкой вокруг вертикального зрачка.

Будь у меня чуть больше сил, я бы верещала и металась от ужаса. А так ничего – разглядывала, общалась.

– А колбасыыы... – существо смачно протянуло новое слово и сглотнуло слюну – Больше не осталось?

– Есть еще немного. – созналась я, послушно копаясь в котомке. У самой аппетит от стресса отбился напрочь, так что все мои пищевые запасы лежали в мешке нетронутыми. Я выложила горсть не очень аппетитно выглядящих, помятых кусочков на пенёк и отползла в сторону, не мешая нечисти подкрепляться. Лучше колбасой, чем мной.

Несмотря на неказистый вид, пахло угощение завлекательно. Все-таки натуральный продукт, свежее мясо, чеснок, травы всякие. Кухарка у нас мастерица. Леший подмёл колбасу в момент и долго еще обнюхивал и полизывал щепки. Потом повернул ко мне кудлатую башку.

Мне стало дурно. Колбаса закончилась, а ну как он теперь мной закусит?

– Если я тебя выпущу, Хозяйка, ты еще принесёшь? – нечисть проникновенно заглянула мне в глаза. Светящиеся в темноте плоски с вертикальными зрачками пробирали до

печенки.

– Конечно, принесу! – быстро пообещала я. Что угодно, лишь бы домой, в тепло и безопасность!

– Все вы так. Обещаете, а потом носу в лес не кажете. – вздохнуло существо. Я усовестилась. Сколько раз его, бедолагу, наверное обманывали, в обмен на возможность выбраться из Чёрного леса, а все равно доверяет людям.

– Я обязательно принесу. – заверила его я, уже абсолютно уверенная – принесу, еще как. И приручу, и прикормлю, и колтуны вычешу. Русская женщина, берущая всех под крыло, жалеющая сирых и убогих, подняла во мне голову в полный рост. – А почему я хозяйка?

Леший бросил еще один тоскливый взгляд на то место, где недавно была колбаса.

– Так видишь же, и слышишь меня. Значит, Хозяйка.

Я кивнула, принимая звание. Не помешает. Звучит уважительно, да и хозяек обычно не едят.

– А тебя как зовут? – спохватилась я. А то невежливо как-то получается. В должность вступила, а не познакомилась толком. – Я Марианна, а ты?

– А как назовёшь. – пожал плечами... или что там у него ниже шеи, леший, и совершенно по-кошачьи почесал за ухом. – Раньше меня как-то звали, только давно это было, забыл я. Да и Хозяина того давно нет.

– Васькой будешь. – ляпнула я, наблюдая за почесухами. Беднягу, кажется, мучили паразиты. Не забыть бы лук или

чеснок в следующий раз с собой взять, будем блох выводить. Или попросить его же показать, где полынь растёт? В хозяйстве тоже пригодится.

Свежепоименованный Василий приосанился. Похоже, иметь хозяина в мире нечисти очень даже почетно, а не унижительно, как можно бы подумать. Не рабовладение, поди.

– Ну что, Вась, выведешь из леса? Обещаю завтра колбаской не обидеть.

Я поднялась, разминая затёкшие ноги. О кровати мечтаюсь уже как о чем-то несбыточном.

– Так ты уже не в лесу. Не забудь, Хозяйка, ты обещала. – сверкнув на прощание глазищами, леший исчез в ближайших кустах. Я огляделась – и правда, та самая опушка на месте. Даже поместье видно. Рассвет занимается уже.

Вот и погуляла.

Отец, завидев меня поутру, вымокшую от росы и в грязном от сидения на пенёчке платье, не знал, драть меня ремнём или душить в объятиях. Ни он, ни Санна всю ночь не спали, пытаюсь дозваться меня из леса, и уже потеряли всяческую надежду.

Девчонки тоже хотели меня звать, но их в принудительном порядке отправили спать. Сам порыв меня растрогал до глубины души.

Мачеха, естественно, спала без задних ног, и вряд ли вообще заметила бы мою пропажу, если бы отец не сказал.

Кто бы сомневался.

Решив вопрос с объятиями и ремнём в пользу первых, гер Кауфхоф наконец успокоился до вменяемого состояния. Внимательно выслушав всю историю моих ночных походов – за время рассказа мы успели дойти до гостиной, вернуть меня в плед, и выпить втроём густой ромашковый отвар – и для расслабления нервов, и для обогрева изнутри – он, в свою очередь, поделился занимательной историей.

Как оказалось, лес подарили дальнему отцовскому предку за какие-то заслуги перед короной, а вовсе не в наказание, как я было решила. Тогда нечисть еще вела себя тихо – или скорее люди не нагнали, перевела я для себя. Со временем деревни отвоевывали все больше территории у дикой природы, вырубка и охота вышла за все допустимые рамки, ну леший и принял меры. То тут, то там стали пропадать охотники и собиратели ягод, потом и водяной подключился, начали тонуть рыбаки. Дурная слава распространилась быстро, отпугивая потенциальных вредителей, а заодно и всех местных жителей вообще.

Чёрный лес стал запретной для людей территорией. Чёрная река, протекавшая мимо одной из деревень, тоже приобрела дурную славу. Стирать белье и рыбачить местные жители ходили аж на границу наших территорий, к степям. Там тоже протекала мелкая, но быстрая речушка, но у ее водяного характер был потерпимей. Или его не так достали в своё время.

Часа три пути в одну сторону, но жизнь дороже.

Меня неумолимо клонило в сон. Даже самый молодой и здоровый организм нуждается в отдыхе после такого стресса. Заметив мои едва сдерживаемые зевки, отец безапелляционно приказал мне идти спать.

– Хорошо. К обеду меня разбуди, Санна, я лешему еды обещала.

Отец и горничная синхронно сделали страшные глаза, но у лешего плоски были куда страшнее. Кое-как я объяснила обоим, что обещания надо выполнять, тем более данные ближайшим соседям. И раз уж я выбралась, то во второй раз все пройдёт быстрее и легче.

Почти как роды, да.

Отец, хоть и был категорически против этой дурной идеи, видя мою упертость, скрепя сердце согласился. Тем более, когда услышал, что леший называл меня Хозяйкой. Как я и догадывалась, это оказался титул. Люди называли таких одаренных Видящие. Рождались они крайне редко, даже не в каждом поколении. В нашей семье таких не было отродясь.

Мне даже пришло в голову, а рождались ли Видящие на самом деле, или становились ими? Как я. Вдруг все те одарённые, что были до меня, тоже попаданцы? Очередная мысленная зарубочка на будущее – почитать биографии прежних Видящих. Не изобретали ли они что-то новое и не менялись ли подозрительно сильно в детстве-юношестве.

Хозяев-Видящих нечисть слушалась беспрекословно. Просто физически не могла навредить, срабатывал какой-то

психологический блок. Так что отец успокоился окончательно и с легкой душой отпустил меня в лес, а позже и к реке.

К водяному я шла уже осознанно, запасшись продуктами на выбор. Никаких сомнений, что именно он топил сети и несчастных рыбаков, у меня уже не было.

Ждать на излучине реки пришлось долго. Уточнив у лесшего, можно ли рвать цветы, надрала себе веник разноцветья – тут и ромашки обыкновенные, и васильки, и мохнатые лапы зверобоя – и принялась плести венки. Под боком странновато пахла колбасой и корицей котомка, под ногами плескалось мелководье. Идиллия.

Водяной появился как-то неожиданно. Без плеска. Поднимаю глаза от почти законченного венка – только закрепить травинкой осталось – и вижу перед собой натуральное чудо-юдо. Хорошо, я с внучками «Пиратов Карибского моря» смотрела, там примерно такие же рожи на призрачном корабле мелькали. Так что не завизжала с перепугу, а вполне вежливо поздоровалась.

Вставать не стала – я же Хозяйка, могу и посидеть. Тем более если поднимусь с земли, придётся смотреть на собеседника сильно сверху вниз. Невежливо.

Влажно блестящее синюшное лицо водяного оказалось пугающе человекоподобным. Выпученные рыбы глаза смотрели прямо на меня и часто моргали третьим, полупрозрачным веком. Щупальца, начинавшиеся сразу от головогруды, непрерывно шевелились.

Да, такой рыбака на дно утянет и не запыхается.

Водяной недовольно пожевал толстыми губами.

– Чего звала, Хозяйка?

Я слегка удивилась.

– Я вообще-то не звала. Надеялась просто, что мимо проплывете. Я вот вам гостинцев принесла.

Водяной уже не так смурно повёл щелями, заменявшими ему нос.

– И что просить будешь? – буркнул он, явно одоббив унюханное.

– Разрешите, пожалуйста, людям на реку ходить. Вам если мыло не нравится в воде, вы какую-нибудь заводь организуйте, чтобы постирать можно было. А рыбаки теперь будут ловить с пониманием. Ну а если нет, там уже на ваше усмотрение. Только предупредите сначала, сколько и чего можно, чтобы недопониманий не было.

Блестящие чешуей надбровные дуги зашевелились, выдавая мыслительный процесс владельца.

– А просить не топить больше не будешь? – уточнил он.

Я развела руками, положив венки на колени.

– Несбыточного не прошу. Выставить охрану и проверяющих на всю длину реки не смогу, а запреты и правила некоторым людям, увы, непонятны. Для таких – только естественный отбор. Но! – я для пущей важности подняла вверх указательный палец.

Водяной насторожил перепончатые уши.

– За первое нарушение – только предупреждение. Притопить не до смерти, снасти порвать, или еще что. И только потом – радикальное решение вопроса.

– А?

– Топить, говорю, только со второго раза.

– Аааа. Понятно. Странная ты, хозяйка. Раньше, до тебя, приходили другие. Приказывали не топить вообще. А ты – топи себе на здоровье.

Я вздохнула. Людей я, конечно, люблю, но на то, что они способны сделать с природой при полной вседозволенности, насмотрелась в своем мире. Повторять то же здесь как-то не хочется, тем более если есть возможность этого избежать. Сурово, конечно, но многие по-другому не понимают.

Погодите, это же сколько лет лешему, если другие Видящие к нему приходили? Не меньше пятисот, получается.

Хотя, чему я удивляюсь. Нечисть же.

Чисто из любопытства, для проверки теории, я в тот же вечер оставила крынку молока под своей кроватью, для домового.

На кухне не рискнула. Никакой чистоты эксперимента, вдруг кот какой приبلудный забредёт и выпьет.

Зато под кровать мою ночью наверняка только домовый залезть сможет.

Наутро крынка опустела, а на туалетном столике обнаружили потерянные мною на прошлой неделе сережки. Отдал, вроде как.

У меня аж мурашки по спине побежали.
Вот и провела эксперимент.

Глава 6

Шли годы.

Поначалу деревенские по-прежнему боялись ходить в лес и подходить близко к реке. Все-таки несколько столетий страха даром не прошли.

Пару лет я в одиночку бродила создаваемыми лешим специально для меня тропами. Размечать на карте, где малинник, а где грибницы, смысла не было – достаточно было озадачить хозяина леса, и дорожки сами меня выводили к нужному участку леса.

На рыбалку я ходила с сачком и мешком.

Все.

В мешке лежала обычно колбаса копченая, потверже, вроде салями или фуэта, и несколько крынок с квашениями-солениями. Водяной сильно уважал остренькое.

Леший наоборот, неровно дышал к варенью и булочкам, хотя от копченостей тоже не отказывался.

В тот же мешок, когда он пустел, я складывала улов. Рыба сама подплывала и застывала у берега, оставалось только махнуть сачком.

Карасями я не мелочилась, разве что изредка, на засушку. Чаще брала осетров и карпов. В местах с особо быстрым течением водилась редкая игольчатая рыба, вроде фугу, только не ядовитая. Несмотря на некоторую сложность очистки,

на вкус она оказалась почти как лобстер.

Аглая только ахала, когда я приносила очередной мешок колючей пакости. Чтобы понять, как разделявать и готовить этих рыб, нам пришлось перетрясти отдел старых книг в отцовском кабинете. Стоила игольчатая, к слову, каких-то запредельных денег, и раньше обеспечивала чуть ли не половину дохода баронства.

С вывозом за пределы нашей кухни этой золотой колючей жилы придётся повременить, я все-таки не Савраска, в одиночку таскать ее килограммами, но потенциал меня радовал.

Садом я теперь занималась время от времени, благо основную работу уже успела проделать, а выдернуть сорняки раз в неделю могли и деревенские под руководством Даниты. Все силы уходили на исследование леса и протекавшей по нему реки. Хотелось понять, на что мы можем рассчитывать в будущем. Да и запасы на зиму никогда не помешают.

Все-таки военное детство и довольно бедное на лакомства юношество, вкупе с суровыми девяностыми, основательно повлияли на мою психику. У меня в прошлой жизни одну комнату квартиры занимали консервы и мешки с картошкой, сахаром и прочими долгоиграющими продуктами. Вот и даже оказавшись в новом, юном теле я была не способна пройти спокойно мимо зарослей ежевики или грибной поляны. Добро пропадать не должно!

Да и контакт с нечистью нужно было налаживать. Они долго копили обиду на человечество, и чтобы растопить лёд

в отношениях, потребуется не один батон колбасы. Так что я бродила по излучинам реки и лесным тропинкам, вслух восторгаясь красотами леса. Привирать особо не надо было. Водяной с лесим показывали иногда такие живописные поляны и заводы, что аж дух захватывало, и я страшно жалела, что не умею рисовать.

Сёстры, и те рисовали лучше.

Книжку мы с ними таки сделали. Обещание дороже денег. Пусть у меня с открытием леса дел прибавилось, но час-другой на общение с девчонками я выделяла каждый день обязательно. Хватит того, что отца они видят только за едой, и то не всегда, а мать предпочитает заниматься собой, а не ими.

Арианна и Лизелла довольно быстро освоили грамоту, и не на шутку увлеклись чтением. Наша библиотека доступных для их возраста книг быстро исчерпала себя, и пришлось заказывать новые, из столицы.

Но к тому времени наше финансовое положение стало лучше.

Даже из того, что приносила я, кухарка готовила столько солений-варений, что в поместье мы с поеданием бы не справились. Так что часть заготовок отправляли подводами в ближайший город.

Через пару лет деревенские осмелели.

Глядя на то, как я мешками волоку на себе ягоды и рыбу из леса, они потихоньку, по одному, начали подкатывать

сначала к Даните и Санне, а потом, осмелев, и напрямую ко мне. Как, мол, гроляйн Кауфхоф умудряется выбираться из Чёрного леса живой?

Я им без утайки и рассказала. И про лешего, и про слишком наглых добытчиков прошлого, и чем оно закончилось. Объяснила, что к хозяину леса надо с пониманием и уважением, он в ответ и не обидит.

Самые смелые передали дальше, остальным. По дороге история обросла новыми деталями, леший становился все грознее, хотя куда уже, а я все победоноснее. В итоге несколько мужиков с опаской, оглядываясь, все же рискнули сунуться в лес. С поклонами, уважительными речами, обращёнными к ближайшим деревьям, чуть ли не челобитием, и подношениями, куда же без них. На тот самый, пресловутый пенёк.

Все вернулись целыми, здоровыми, и сильно тому удивлёнными. Посещать лес стало все больше смельчаков. Были и попытки браконьерства, но о том узнала только я, да семьи недосчитались кормильца.

Ну так я предупреждала.

Получилась новая традиция. На опушке нужно было поклониться лесу три раза, потом положить дары на пенёк, поклониться еще раз, и громко объявить, так сказать, цель визита. Ну вроде:

«Уважаемый леший, я пришёл за зайцами. Пяти штук мне хватит. А если по дороге попадутся еще грибы какие съедоб-

ные, и подавно не обижусь».

Васька с хихиканием передавал мне особо выдающиеся перлы.

Имя его я разглашать не стала. Мало ли, кроме существования нечисти здесь еще какие правила из сказок моего мира действуют, вроде того: кто знает имя – тот и повелевает.

Нечего тут.

Дела в деревнях пошли на лад. Товарообмен с лесом и рекой существенно обогатил крестьянский стол, да и наш заодно.

Избыток игольчатой рыбы, как оказалось, еще и страшно дефицитной оттого, что водилась она только в реке Чёрного Леса, возили напрямую в столицу. Сами столичные купцы чуть ли не дрались за то, чья именно подвода повезёт колючек. Чуть ли не всю поставку сразу же закупал королевский двор, как в старые добрые времена.

Немалая прибавка к месячному бюджету.

Поместье потихоньку выходило из финансового кризиса. В комнатах появились новые вазы, взамен проданных во время тяжелых времён – мачеха-то наряды требовала всегда. Холодные каменные стены снова прикрыли гобелены, застиранное постельное белье заменили на новое. Пока не появились деньги, я даже не задумывалась, насколько поместье запущено. Пострадал не только сад – всей территорией практически не занимались. Отец оставил дом на мачеху, вроде как женская епархия, а ее, понятное дело, кроме собствен-

ной персоны особо ничего не волновало. Гер Кауфхоф, как истинный мужчина, деталей не подмечал – не дует, еда есть на столе, ну и ладно. А что прислуга уже третий год в той же, заштопанной униформе – глаз не мозолит.

И вот теперь я, наконец, развернулась. На вырученные от освоения леса деньги не только в поместье ремонт организовала, но и в наших деревнях. Два коровника давно пора было заменить, настолько они расшатались, у зернохранилища крыша протекала, зерно мокло и портилось, да и сами дома пора было как минимум красить, а некоторые и перестраивать.

Отец беспрекословно позволил мне распоряжаться частью дохода, полученной от леса. Тем более, он прекрасно видел, что идут деньги на внутренние нужды поместья, а не на глупые девичьи хотелки.

Мачеха, конечно, все равно воспользовалась ситуацией, и очередной раз обновила гардероб, но за счёт отца. После того, как я включилась в пополнение бюджета, у него тоже образовались свободные средства. Тут уж я махнула рукой, не мое дело следить, куда в их семье деньги идут. Главное, чтобы не в ущерб делу.

К сестрицам вскоре тоже зачастили модистки. Девушки вступали в девичество, пора было избавляться от детских нарядов и выставлять напоказ зарождающуюся грудь. Статью они пошли в маменьку, и уже в одиннадцать-двенадцать могли похвастаться вполне себе округлостями.

И тут акселерация, никуда от нее не денешься.

Мне, впрочем, жаловаться не приходилось. Упражнения на свежем воздухе, вроде прополки сада, а теперь и прогулки по лесу, и купание в реке, благотворно сказались на моей в своё время запущенной фигуре.

Близилось мое совершеннолетие, шестнадцать лет, мачеха начала поговаривать о замужестве.

Я те попытки сразу заглушила на корню. Не для того я столько сил вложила в поместье, чтобы теперь уехать в другую семью. Была я замужем, ничего хорошего там нет. Даже от вывоза в свет отказалась. Что я на тех балах забыла? Женихов мне не надо, а на платья те роскошные расходы одни.

Мы только-только нормально жить начали.

Отец прикупил лошадей. До того всю нашу просторную конюшню занимал один старый мерин, годный лишь на то, чтобы проехать по деревням в бричке и собрать налог, или подвезти отца до перевалочной станции в ближайшем городе.

У меня возникла непредвиденная проблема.

Учиться верховой езде предлагалось в дамском седле. А перед глазами сразу встал пример Скарлетт О'Хары, ее дочери, и целой вереницы женщин в классической литературе, свернувших шею путём выпадения из подобной конструкции.

Ну уж нет, решила я.

Сяду в мужское.

Женщина в брюках?

О, как визжала от ужаса и негодования моя мачеха, когда я вышла к завтраку в перешитых отцовских штанах. Ноги! И о Боги, промежность на виду! Скандал!

Папенька тоже не пришел в восторг. Пришлось переодеться обратно в платье и думать.

К мачехе как раз тем же днем приехала долгожданная модистка из столицы. Они с отцом собирались на ежегодное дворянское собрание во дворце, и Жаклин жаждала продемонстрировать всем своё новоприобретенное богатство.

Кармилла считалась признанным специалистом своего дела. Дамы в столице и провинции выстраивались в очередь, чтобы воспользоваться ее услугами. Появиться на балу в платье от Кармиллы означало привлечь всеобщее внимание – ни одно ее изделие не повторялось, и гениальная швея всегда находила, чем удивить или даже эпатировать.

В этот раз на примерку я пришла.

Обычно я избегала всех этих волокит с обмерками-подгонками. Щеголять нарядами мне особо было негде, лешему, что ли, обновками хвастаться? Пока что я просто перешивала платья, оставшиеся от матери. Они, конечно, лет двадцать как вышли из моды, но если спороть все рюшечки и бантики, получались обычная повседневная скромная одежда.

Но сейчас мне было нужно нечто абсолютно новое, и я даже примерно представляла, что. Осталось подготовить к этой новинке общественность, чтобы мачеха не падала в об-

морок, а я могла гордо заявить – в столице так носят!

Столичная модистка прибыла со свитой из трёх помощниц.

Встречали их с помпой. Мачеха выгнала на крыльцо всех – и горничных, и даже кухарку, дабы с поклонами проводили почетную гостью в гостиную.

Я наблюдала за цирком из сада. Даже шляпу, с которой в солнечные дни не расставалась, на затылок сдвинула, чтоб не мешала. Кармила, похоже, усилия провинции оценила, и с трудом давила расплзающуюся по лицу усмешку.

Думаю, мы с ней поладим. Снобом модистка не выглядела.

Меня на примерку, естественно, никто не звал, но я сделала лицо кирпичом и прошла мимо горничных, не обратив внимания на их робкие попытки меня задержать.

В открытую мне противостоят никто из прислуги уже не решался. Все видели, с кем хозяин дома советуется в первую очередь, и по поводу подбора кадров в том числе.

Кармила удобно расположилась в кресле с чашкой свежезаваренного чаю. Я скромно подсела к столику рядом, налила себе ароматный напиток в свободную чашку, и тоже с большим удовольствием уставилась на мучения мачехи. Ту как раз укололи булавкой.

– Осторожнее, девочки. – лениво прикрикнула Кармила, не глядя в их сторону, выбирая с подноса булочку посимпатичнее.

Я критически осмотрела будущее вечернее платье.

За прошедшие годы Жаклин раздобрела, сказывались возрастные гормональные перестройки. Тот участок, где по современной моде на платье полагалось быть облегающей талии, собирался валиками и некрасиво топорщился вопреки всем усилиям модисток.

– Корсет бы сюда. – вздохнула я. Хоть с мачехой у нас и не сложились доверительно-дружественные отношения, чисто по-женски я ее понимала.

Стареть, расплываться с возрастом, мягко говоря, неприятно. Так вот смотришь в один не особо прекрасный день в зеркало – под глазами мешки, на лбу морщины, под подбородком складки, руки в пятнах – и откуда все взялось? Ужас.

– Корсет? Это что? – насторожилась Кармила. Как хорошая гончая, она моментально уцепилась за неизвестное слово.

Я, как могла, объяснила. Потом зарисовала. Модистка загорелась идеей.

Похоже, в этом мире изобретателем пыточных дел орудия стану именно я. До сих пор местные женщины не догадывались, как можно придать телесам соблазнительную форму искусственно.

– Значит, здесь утянуть, тут проложить. Блестяще, просто блестяще! – приговаривала знаменитость, лихорадочно набрасывая эскиз за эскизом.

– Только имейте в виду, детям и беременным такое носить

нельзя. – сделала я попытку исправить ситуацию. На меня глянули, как на безумную.

– Это же для тех, у кого лишний вес. При чем тут дети и беременные? – вытаращила глаза Кармила. Ну и ладошки, вот и хорошо. Будем надеяться, они тут окажутся и вправду благоразумнее, чем в моем мире.

Но вернёмся к моим проблемам. Я вытащила из кармана в юбке и подтолкнула по столу к модистке выстрадавший за последние несколько дней рисунок.

Она глянула с любопытством. Задумалась.

– Это для чего? – решила уточнить Кармила. – Выглядит как-то странно.

– Для верховой езды. – вздохнула я. – По-дамски сидеть боюсь, а по-мужски юбки мешают.

– Хмм. – протянула модистка. – А ведь и правда, если разделить их на три части...

– Как тюльпан. – подхватила я. – Представьте, когда сядешь на лошадь, передние две детали закроют ноги, задняя ляжет на круп.

– Если красиво расправить, можно еще для лошади подходящий вальтрап и уздечку... – бессвязно забормотала Кармила, уходя в творческий транс. Я удовлетворенно откинулась в кресле, уничтожая булочку с кремом. Свою задачу я выполнила и даже перевыполнила.

Расставалась со мной Кармила чуть ли не со слезами на глазах. Оставила адрес, умоляла писать, и присылать малей-

шие промелькнувшие модные идеи.

Почуяла, как хороший делец, золотую жилу.

Не все сразу, дорогая. Пока столице хватит и моей прогрессивной амазонки. Пусть переварит для начала.

Через две недели почтовый дилижанс завёз нам пухлый пакет. В нем оказалась та самая, выстраданная мною модель и письмо от модистки.

Как любая женщина, первым делом я примерила обновку.

Кармила не зря славилась на всю страну. Костюм сел как влитой.

Именно костюм. Для начала я предложила отделить верх от низа. Проще подогнать по фигуре, легче одеться, можно комбинировать разные цвета и отделки – заказать два комплекта, получится четыре варианта.

Верх оформили как мужской жилет, по талии уплотненно, почти корсетно, чтобы легче было держать спину ровно на лошади.

Я, например, все время норовила сгорбиться и скукожиться. Высоко же! Страшно!

Низ, как я и предлагала, составили из трёх запахивающихся друг на друга частей. При ходьбе он выглядел, как юбка нестандартного кроя. Зато едва всадница оказывалась в седле, части расходились, как лепестки цветка. Подъюбки распадались на две половины, свисая по бокам, заднюю часть предполагалось живописно разложить по спине лошади. Под всю эту красоту предлагалось еще поддеть кожаные

штаны для верховой езды, наподобие мужских. А то мало ли, ветер подует или еще какая неожиданность приключится.

Летом, конечно, в таком количестве одежек можно упариться, но лучше взмокнуть, чем убиться, так я рассудила.

Покрутившись радостно перед зеркалом и порепетировав раскладывание юбок на диване, я взялась за письмо.

Кармила оказалась даже честнее, чем я думала, и оформила патент на два изобретения в мире моды на наши оба имени. Так что теперь я ежемесячно буду получать процент с пошива корсетов и амазонок, который с каждым днем увеличивался. Столичные дамы быстро осознали преимущества утянутого стана и к Кармилле выстроилась очередь в два раза пуще прежней. Ей даже пришлось открыть еще одну мастерскую, исключительно для пошива корсетов. Она настоятельно звала меня в столицу, сотрудничать.

Я написала крайне вежливый отказ, мотивируя тем, что в поместье очень много дел и без меня никак не справятся – чистую правду.

Отец делами поместья уже практически не занимался, с облегчением сложив все полномочия на меня. Я не возражала. Заниматься бухгалтерией, составлять план расходов, разъезжать по деревням, вникая в проблемы крестьян, мне искренне нравилось. А отец моложе не становился. Тяжело ему уже по полям скакать и овец с коровами инспектировать.

Глава 7

Так далеко я еще не заезжала.

Отец показывал мне карту наших владений. Официально наше поместье считались обширным, потому что очень щедрый король древности прикрепил к нему весь Чёрный Лес. Толку с той территории до недавнего времени был ноль, зато налог за имеющуюся площадь нас чуть не разорил. Если бы не мой мирный договор с лешим, нас бы выселили из поместья в ближайшие годы. На улице бы мы не остались, у отца был еще домик в столице, где он останавливался, когда бывал там по делам, но жить в Берге все время считалось непрестижным.

Вот в сезон – зимой и ранней весной, когда вся знать собирается на балы и прочие увеселения, это да.

А летом в городе можно умереть от жары и скуки.

Я обмахивалась сорванным по дороге лопухом. Лошадь, с фантазией поименованная мною Звездочкой за характерное белое пятно на лбу, лениво пережевывала ущипнутую где-то травинку, едва переставляя ноги и вяло смахивая приставучих мух хвостом. Ей тоже было жарко.

Летом и в деревне-то не рай, но здесь хоть можно в речке искупаться, если совсем уж немоготу. Или в лес податься. Там тихо, тенёчек, да и леший какой куст малины подскажет – и пообедать, и с собой набрать.

Но сегодня я уже успела побывать и в лесу, и на речке, поднесла нечисти положенные дары, и сейчас тряслась на послушной невысокой кобылке в сторону самого дальнего нашего села.

Его жители жаловались на необычный сорняк, заполонивший их поля. Забивает пшеницу, не поддаётся прополке, в общем, жуть. Благодаря изученным от корки до корки книгам по садоводству я теперь считалась у местных отменным ботаником – в буквальном смысле – и меня звали, когда нужен был совет по травам и растениям.

Староста деревни, основательный мужик под пятьдесят, с окладистой, ухоженной бородой и усищами, достойными викинга, которыми он явно гордился, встретил меня на окраине деревни. Почтительно поклонился, взял Звездочку под уздцы, и повёл в район флористического бедствия.

– Уже, поди, года три бедствует поле. – рассказывал он по дороге. – Мы уже и выдергивали, и кроликов напускали – так не жрут они такое, паразиты! Только больше заразы становится. Не приведи боги, на другие поля перекинется!

Идти пришлось недалеко. Мы успели миновать только два поля с недозрелой пшеницей, и небольшой участок с волосатыми початками кукурузы, как староста остановился и торжественно повёл рукой, демонстрируя «заразу».

Характерные коробочки, пока еще не раскрывшиеся, но кое-где уже опушённые белыми волокнами, чуть шуршали на ветру.

Божечки мои, хлопок!

Я чуть не пустилась в пляс прямо тут, на кромке поля.

До сих пор я видела здесь только три материала – шёлк, лен и шерсть. Ну, кожа и мех еще, само собой, но из тканей, получаемых в процессе ткачества – только эти три. Даже вариаций не было.

Раз у нас появился хлопок, приблизилась реализация моей мечты, самой заветной.

Нормальное белье.

Точнее, хоть какое-нибудь, потому что – о ужас – по этикету дамам трусов не полагалось вовсе. Крестьянки носили иногда мужские портки, потому что постирать, например, белье или прополоть капусту, не засветив все что можно, нереально. Зато благородным госпожам, что в основном сидели или максимум чинно прогуливались в саду, положено было под многочисленными юбками щеголять голой задницей.

Пока что я, по примеру крестьянок, пользовалась достижениями мужской моды. Льняные портки нещадно натирали нежную кожу уязвимой филейной части, но уж лучше там мозоли, чем цистит или что похуже. Шелковые трусики, которые я себе сшила сама из ночных рубашек, вполне служили своей цели в повседневной жизни – ну там, на диване посидеть с книжкой, в саду погулять. Один-единственный раз, когда я в них села на лошадь, обеспечил меня ощущениями на всю жизнь. Трусы прорвались через минут десять поезд-

ки, а контакт с кожаными штанами мою попу не вдохновил.

Учитывая, что вела я весьма активный образ жизни, пришлось поначалу довольствоваться льном.

Понятное дело, что эксперименты я не оставила. В наличии имелись шёлк, шерсть и лен. Лен с шелком комбинировать мне показалось слишком уж экзотично, выделка льна оставляла желать лучшего, и нити были толстоваты изначально. А вот шерсть с шелком – это же почти вискоза по ощущениям. Над пропорциями пришлось поработать. Я успела к прошлой зиме перезнакомиться со всеми ткачихами наших деревень и близлежащих городов, опробовать и забраковать несколько ткацких станков, и наконец нашла баланс нитей.

К холодам моя попа теперь была готова. И не только она. Все нательное белье в нашем хозяйстве теперь шили из изобретённого-воспроизведенного мною полотна. Шелковистое, прочное, отлично греющее в холод – что еще нужно для счастья? На лето бы, что-нибудь.

И вот, как по заказу. Целое хлопковое поле. Почти созревшее. Над тем, как его убирать, я даже не сильно задумывалась.

Вышло даже лучше, чем мне рисовалось в мечтах. Старик леший настолько уважал клубничное варенье, что не поленился и за ночь выщипал весь созревший хлопок из коробочек, аккуратно разложив на лопухах на опушке. Сам щипал, или мышек каких приставил, мне то неведомо. Но челове-

ко-часы он нам сэкономил знатно.

Дальше все пошло по привычной схеме. Ссучить нить, соткать полотно. Почти как привычная местным шерсть, только станки пришлось немного переделывать – подгонять под более тонкие нити. Я решила для начала соединить хлопок с шелком. И мягче, и деликатнее получается. По виду – натуральный ситец.

Кармила, с которой мы постоянно вели переписку, пришла в восторг от новых тканей. Я-то экспериментировала в расчете на трусы, а профессиональная модистка моментально нашла сто тысяч и один способ применения получившегося полотна. Начиная с платьев и верхней одежды, заканчивая тонкими летними занавесками – тут вся разница была в толщине нити. Но в основном, с моей подачи, мы делали упор на нижнее белье.

Не одна же я такая, страдалица?

Мягчайшее, но прочное белье быстро нашло своих покупателей. В основном это были торговцы и путешественники, средний класс, так сказать, но зажиточные крестьяне тоже быстро осознали предпочтительность мягкого исподнего. Да и дворяне не брезговали. Шёлк, все-таки, довольно недолговечная, при активном использовании, ткань.

Да, поначалу пришлось ориентироваться на мужской рынок. Традиции такая штука, сопротивляющаяся.

Ткачихи из наших деревень перестали справляться с объемом работ довольно быстро. Спрос явно превышал предло-

жение.

Вслед за ткачихами подвёл сам хлопок – он закончился.

Все-таки одно поле, для массового производства малова-то.

Я еще и несколько участков оставила нетронутыми – для размножения. Нужно потом посмотреть, что там за семена. С виду-то я хлопок признала, все мы на Марке Твене выросли, а вот аграрная сторона его выращивания как-то мимо меня прошла.

Но даже если он сам размножится – это же еще целый год до следующего лета ждать! А у меня уже и помещение в ближайшем городе под фабрику присмотрено – старый склад нуждался в ремонте и некоторой доработке, вроде пробития окон и организации нормального освещения и отопления, но потенциал имелся приличный – и девушки в обучение наняты, будущие ткачихи. Производство простаивает! Непорядок.

Пришлось идти лесом.

Буквально.

Набрав на кухне побольше свежих булочек, и налив хорошую порцию варенья в глиняную бадейку, я пошла на поклон к лешему, вызнавать, где еще неподалёку такой редкий сорняк водится.

Угощение Василий принял, булочки сразу же продегустировал. На мой вопрос задумался.

– У меня в лесу, Хозяйка, такого не водится. – с сожа-

лением покачал он кудлатой головой. Я приуныла. Ездить по ближайшим поместьям и графствам, просить поделиться сорняком не хотелось. Дай только намёк, из чего делается наша эксклюзивная ткань – она быстро перестанет быть эксклюзивной. – Но я слышал от соседей, в степи такой травы навалом, целые поля без конца и края.

Ура! Выход есть. Не придётся рассекречивать ингредиент.

Только теперь вопрос – что предложить степнякам в обмен на хлопок? Просто прийти и увезти не вариант, даже если леший мне все нащипает собственноручно.

Собственнолапно?

Слишком уж хрупок мир со степью, живы еще те, кто помнит набегу узкоглазых конников. Хоть и не настолько кровопролитно, как в прошлом веке, но еще мой отец в молодости отбивал урожай у особо наглых налетчиков.

Кстати, это мысль!

Я мысленно потёрла руки.

Мне есть, что вам предложить!

Одну меня отец, естественно, не отпустил. И беспокоился он не столько по поводу моего визита к степнякам, сколько о дороге к ним. Мало ли на каких разбойников наткнётся. Как ни странно, несмотря на все разногласия, кочевников он уважал. Честь, говорит, для них не пустой звук. Так что отправил со мной небольшой отряд, скорее для поддержания имиджа наследницы и достойной гроляйн. От степняков пять человек, конечно, не спасут, а вот от неожиданного на-

падения на дороге уберегут. Да и сами разбойники к вооруженному отряду не сунутся.

Выехали мы рано утром. Взяли с собой небольшую телегу, погрузили на нее дары для степняков – чем будем выкупать хлопок. Деньги кочевники не особо уважали. Зачем монеты в степи? Лошадей особо не гнали, недаром наша усадьба на самой границе, к обеду, часа за четыре, уже доехали.

Цветастые шатры раскинулись до самого горизонта. Это не просто кочевое племя – тут целая народность. Несколько сотен тысяч, точно. Сами себе армия, сами себе охотники и собиратели, по необходимости.

Я прониклась.

Командир стражи нашей усадьбы, Терин Берц, явно не первый раз тут. С кем-то здоровался, с кем-то даже раскланивался. Девушка одна, в бусах вся, ему глазки строила, и вроде даже с некоторой взаимностью. Глазки у нее были очень даже, как и прочие тела. Тонкая талия стянута алым пояском, выдающийся бюст подчеркнут позвякивающим монистом, голова покрыта насыщенно-синей накидкой, которую удерживает драгоценный обруч. На обруче тоже куча висюлек, как на люстре, и все бренчит и переливается.

Непростая, одним словом, девушка.

Вообще у меня в глазах зарябило, как только мы подъехали поближе к становищу. Одежды степняков многослойные, и не просто каждый слой разного цвета, а еще и в многообразный узор. Шатры тоже сотканы из полотнищ, состоящих

изначально из разноцветных нитей, будто абстрактные ковры или полотна спятившего импрессиониста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.